

Лев ШТУДЕН

О ПРЕКРАСНОМ СОВЕТСКОМ ВРЕМЕНИ

Будничные рассказы

МЕРОПРИЯТИЕ

Зима. Конец сороковых.

В сибирском областном городе, в кинотеатре имени Героя Великой Отечественной войны (в сорок третьем он повторил подвиг Гастелло) должен был состояться очередной сеанс. В зале как обычно: тулупы, ватники, драповые пальто. На галёрке, не дожидаясь темноты, кавалеры щупают дам. Дамы лузгают семечки. Семечки устилают пол. Толкается, носится меж первых рядов школьная шантрапа.

Свет долго не гасят. Выходит потом на сцену известная всему району активистка Валя. У неё румяные щёки, звонкий голос и туго забитые в валенки полные ноги. Она объясняет, что сейчас по инициативе коллектива кинотеатра в связи с годовщиной Победы состоится мероприятие, во время которого просим не шуметь. Перед публикой выступит мать героя, в честь которого назван кинотеатр.

Зал чуток притих. По ступенькам на сцену заползла старушка в вытертом плюшевом чёрном пальто и чёрной шали. Лицо мертвенно-восковое. В траурных дырах глазниц еле заметны маленькие красные глаза. Кисть правой руки зачем-то комкает обшлаг левого рукава пальто. Волнуется. Никогда ещё, наверное, не выступала она в таком ответственном месте.

– Мой сын Ваня учился в школе всегда очень хорошо, – сказала она.

После этого её рука с силой вцепи-

лась в левый рукав. Наверное, что-то вспоминала... Или, может, думала, как построить фразу.

– Он получал хорошие отметки.

Голос старушки звучал с приличествующей докладчику деревянной ровностью. Репетировала, должно быть.

– Он всегда любил строить самолётики из дерева.

Теперь пальцы правой руки, не покидавшие рукав, с отчаянной силой начали его дёргать. Того и гляди, обшлаг не слишком нового пальто мог у неё совсем отлететь.

– Самолётики. Он. Любил. Строить.

Отпустила рукав. Поправила шаль. Провела тыльной стороной руки по глазам. Потом обе руки опустила вниз, чуть в стороны, приподняв плечики к ушам, чтоб кисти рук легче спрятались в рукава... Как бы от холода. Хотя в зале, надо сказать, было тепло. Наверное, по привычке у неё это получилось.

Солидный человек в пальто с каракулевым воротником наклонился к своей даме, близко к её мучнистой щеке, заметил вполголоса: «По-моему, докладчик недостаточно хорошо подготовлен».

– Строил... из дерева... самолётики...

Зал мало-помалу опять начал наполняться обычным предсеансовым гвалтом. Меж рядов бродили опоздавшие. Спрашивали свои места. Нижняя губа старушки как-то по-детски выпятилась вперёд, задёргалась. Из кровяных, дохла проплаканных век показались слёзы.

– Он очень любил строить...

Фразу про самолётки она ещё раз десять начинала и всё-таки кончить не могла.

Активистка Валя, топя валенками, пришла, наконец, на сцену и увела старушку, по дороге что-то ей выговаривая. Ватники, драповые пальто и тулупы поаплодировали вразнойбой. Потом опять занялись кто чем. Свет долго не гас. На галёрке не очень трезвый голос крикнул в сторону будки киномеханика: «Сапожники! Эй! Перекур у вас там, или чё?» Два-три раза кто-то неумело, на одном шипе свистнул.

После чего погас свет и начали показывать кино «Тарзан».

ТАИНСТВО

О Ястребцеве в городке говорили:

– Сдал Степаныч. Был когда-то ястреб. А теперь?

Действительно. Теперь, извините, он в туалете забывал вовремя штаны снять. Прогрессирующий склероз мозга. А ведь руководил большим производством, на депутатских должностях был человек. Всё делал, что Партия велела. Всюду попевал, куда Партия посылала.

Активистка Валя им очень гордилась и, проходя со школьной экскурсией мимо городской Доски почёта, обязательно подходила к стенду, притрагивалась указательным пальцем к фотографии лысого мужчины в военном френче с оловянным светом в глазах и говорила:

– Это мой папа.

А теперь она стеснялась даже в разговоре упоминать о нём. Сослуживцы – и те пренебрегали, навещали редко и неохотно. Павел Степаныч, раньше умевший наводить крутой порядок в семье, ничуть не менее крутой, чем на производстве, теперь ослабел и обмяк, стал неряшлив, у него появились причуды. Одна из этих причуд едва не кончилась плачевно для Павла Степаныча.

За ним стали замечать: что ни вечер, он запирается в своей комнате и бубнит что-то, бубнит, бубнит. Новую Конституцию учит, предполагали домашние. Один раз забыл запереться. Сестра его, домохозяйка Дарья Степановна, открыла дверь, поглядела – и со всех ног к племяннице:

– Валька! Иди взгляни. Со смеху сдохнешь.

Валя пошла и взглянула. Со смеху не сдохла. Скорей, она могла помереть от инфаркта. Её отец, ветеран Партии, кавалер ордена «Знак Почёта», стоял в

углу на карачках перед изображением Девы Марии. Изображение это было вырвано из дорогого альбома «Знаменитые художники Возрождения». Рядом висело, тоже на гвоздике, «Положение во гроб», взятое оттуда же. (За порчу этого альбома Валя всего неделю назад выпорола единственную дочь Нинель, студентку второго курса мединститута, скалкой от стиральной машины. Но, оказывается, зря.)

Так вот, старик стоял перед своим странным иконостасом в коленапреклонённой позе и бубнил что-то, чего нельзя было разобрать даже при открытой двери. Из его гортани, как из довоенного репродуктора, шёл какой-то монотонный гундэж, в котором все гласные и согласные слипались в неразличимую массу. Одну руку он держал за спиной, в этой руке был виден зажатый двумя пальцами потухший окурок, а другую, вооружённую листочком бумаги, держал перед двойными очками.

– Что... он делает? – задыхнулась Валя.

– Как что? Молится, вот что, – ответила Дарья Степановна и не то ёкнула, не то булькнула всем телом: от удушьяемого ладонями смеха у неё что-то вздрагивало и тряслось внутри.

Они посмотрели ещё.

Гундэж продолжался так же неразличимо, так же одинаково по тону и громкости.

– Чёрт знает что, – медленно, с мукой сказала Валя.

– Ладно тебе. Чудит старик. Вишь, по бумажке читает, как на собрании, иначе не привык.

– Чёрт знает что, – повторила Валя и, слепо глядя перед собой, пошла на кухню.

На кухне состоялся семейный совет. Мнения разделились. Дочь Павла Степаныча стояла за то, чтоб отвести отца немедленно в психиатрическую лечебницу. Жена Павла Степаныча плакала и упрашивала Валью не затевать скандала. Она клятвенно обещала проконсультироваться у лучшего в городе знакомого ей психоневролога. Сестра Павла Степаныча была того мнения, что надо оставить всё как есть:

– Давайте дадим ему помереть спокойно.

– Нет, ты лучше пойди и скажи ему, чтоб он нам дал спокойно жить! – крикнула Валя.

– А чем он тебе жить-то не даёт?

В ответ на этот вопрос Валя вдруг раз-

рыдалась и сказала, что всю жизнь она гордилась своим отцом, что считала его принципиальным, честным, достойным коммунистом.

– Принципиальный он был, это точно, – подтвердила Дарья Степановна. – В нашем городе три церквы взорвал.

Поздно вечером, когда Павел Степаныч, грустно вздыхая, сидел возле крыльца на лавочке и курил, женщины обыскали тщательно его комнату. Богородицу, Христа и бумажку с молитвой они нашли у него под матрацем.

На листочке очень тщательно печатными буквами было выведено: «Господи, если ты есть, то, пожалуйста, продли мне жизнь».

ПОРЯДОК

Медсестра тылового госпиталя Вера Королькова получила похоронку на мужа. Медперсоналу в этот день тяжело было на неё смотреть. Больные тоже отводили глаза. Начальство отпустило её пораньше домой. Она пришла, повыла над конвертом, над двумя маленькими детьми. Когда они сами разревелись, да так, что не унять, – отшлёпала, уложила их. В темноте и тишине легла сама.

Луна. Мёртвый ледяной её свет. Мёртвый ритм часов. Глаза у Веры, тоже как у мёртвой, неподвижно открыты в пустоту. Нет мыслей и нет слёз.

Вдруг в кресле – рядом с кроватью стояло дедовское кожаное кресло – она увидела мужа. Почему-то она не испугалась. Он был не в белом саване, а в своей обычной военной форме и не казался прозрачным, то есть на призрака вовсе не был похож. Потянулся к ней, взял за руку. Она ясно, сладко почувствовала его прикосновение. Потом услышала голос. Может, не голос, просто мысли звучали у ней внутри. Муж говорил спокойные ласковые слова. Часа полтора он сидел, гладил ей руку и говорил, говорил. И было ей так хорошо, так чисто и волшебное хорошо, как никогда при его жизни. При жизни-то он не много добрых слов тратил. Бывало, изменял. А то и поколачивал, в жизни чего не бывает.

Следующие полтора месяца Вера прожила так: на работе она монотонно и тщательно – с мечтательной улыбкой иногда – делала всё, что нужно, потом спешила домой, кормила детей, укладывала их спать, дождалась своего часа и ложилась сама.

Отпускала себя. Расслаблялась. Ждала недолго – он скоро приходил, точнее, возникал в том же самом кресле, наклонялся, брал её руку и долго, ласково говорил с нею.

В госпитале не могли ничего понять. Вчера, можно сказать, баба лишилась кормильца – а ни слезинки, ни жалоб у неё! Даже улыбается. Блаженная, или что? И вообще, всё ли в порядке у медсестры Корольковой?

Секретарь парткома Валя вызвала её на откровенный разговор. Потому что нехорошо. Все женщины, Вера, ведут себя как женщины, когда получают похоронки. А ты не как все, и этим раздражаешь коллектив. Подумай, Вера, о своём поведении.

Тут Вера возьми, да и расскажи всё как на духу. Валя сначала опешила, потом набросилась на неё:

– Да ты что! Опомнись, что говоришь-то! Ты знаешь, до чего ты можешь себя довести? Ну, точно про тебя говорят, что ты...

Валя задохнулась, не договорив. По щекам расползались оранжевые и белые пятна.

– А ну, пойдём! Веди сейчас же меня к себе.

И они пошли вдвоём с Верой к ней на квартиру. Там Валя самолично переставила кровать на другое место, тумбочку и комод перепахнула в другой угол, а кожаное старорежимное кресло выкинула вообще к чёртовой матери: нечего беречь рухлядь. Она была разумная, активная женщина. Хороший товарищ.

Меры помогли. Потому что муж, или как уж его теперь следует назвать, с этого дня никогда к Вере не приходил. Не было больше его спокойного тихого голоса, нежных рук и сердечного взгляда. Вера почернела лицом, стала реветь при всех. Даже упала как-то в ординаторской без памяти. Одним словом, теперь она была, как все.

А ещё через 40 лет – Вера с Валею в это время были обе на пенсии – Вера получила письмо из далёкого белорусского города от тамошней пионерской организации, называемой «Красные следопыты». Ей написали, что её муж, чья могила до сих пор стояла отдельно, теперь выкопан из земли и погребён в другой, общей могиле с несколькими сотнями прочих военнослужащих. И, что самое интересное, когда его доставали, то увидели, что тело ничуть не разложилось. Такой удивительный медицинский факт.

Старушка поплакала над этим письмом. Показала Вале:

– Одного не пойму, зачем в общую могилу его заталкивать? Лежал бы и лежал себе.

В ответ на что Валя – теперь она была председателем Совета ветеранов района – разъяснила, что перезахоронения производятся в целях улучшения воспитательно-патриотической работы среди молодёжи. И что там обязательно будет обелиск и список фамилий в алфавитном порядке. И монументальная скульптура, заказанная у столичных талантливых скульпторов. А кроме того, тело её мужа, находясь совместно с прахом простых советских воинов, наконец-то получит возможность вести себя, как положено нормальному погребённому телу.

– Потому что, дорогая моя Вера, порядок нужен как здесь, так и там.

МАРСИАНЕ

Два месяца я работал по договору в художественной мастерской заводского клуба, у них художник запил. Работа плёвая: лозунги, киноафиши и графики роста промышленной продукции. Поработаю, напишу что-нибудь типа «Рабочая совесть – лучшая гарантия качества» или «Коммунизм – дело наших рук» и к окошку отхожу курить.

Через это окошко вид самый обычный: задворки, кустарник, забор с колючей проволокой, крашенный белой известью мусорный ящик. Мусор, однако, не в ящике лежит, а вокруг. Это уж как водится. И канава с трубами, ещё не закопанная с прошлого года. Мотки провода. Два дохлых деревца, которые почему-то взяли тут и выросли. Но, с другой стороны, если деревья растут на голых северных скалах, почему не могут они расти возле нашего Дома культуры? Короче говоря, ничего интересного.

И вот я смотрю на всё это в окошко. День смотрю, другой. Месяц смотрю. Мало-помалу на фоне обыкновенного городского пейзажа я начинаю замечать некоторые странности. То есть не сам пейзаж тут виноват, Бог с ним. Люди. Очень уж они необычно ведут себя.

Появляется, например, человек в жёваном пиджачишке и кепочке, и нет, чтоб идти по своим делам. Он обязательно остановится, посмотрит в одну сторону, в другую. Потом этак потупится, задумчиво постоит. Подойдёт к ближайшему деревцу. Погладит кору. Посмотрит

куда-то вверх. А потом – раз! Исчезнет в кустарнике – и заметить не успеешь. Будто фантом какой-то.

Сильно меня заинтересовали эти люди. Главное, все ведут себя как заколдованные – женщины, мужчины, даже старики. Глаза задумчивые. Движения тоже удивительные: люди на ходу грезят. Будто зачарованы чем-то. И на землю ступают очень плавно, бережно, херувимской невесомой поступью. Место, что ли, какое-то здесь особое, я не пойму?

И некая тишина таинственная... Запустелость некая. Загадочные взгляды чем-то заворожённых людей. Незнакомые, красивые их жесты... Каждый ведёт себя осторожно: не ломает кусты, а прикасается к ним очень бережно – любит, стало быть. И даже озираются с грацией, неспешно и благородно, без суеты. Эх, почему ж не везде люди-то у нас такие, а?

Об этих людях я однажды неудержимо размечтался.

Мне представилось: существует в городе заповедная зона – именно та, в пределах которой стоит этот забор и эти два деревца, и всякий, кто сюда попадает, вдруг становится мечтателем. Представляете? Обычно мы чем-то озабочены: проклинаям дефицит, начальство, сердимся, что обхамили в магазине, одним словом, погружены в суету и мрак. А тут это всё куда-то пропадает... Душа вдруг свободна. Она просыпается. Она начинает парить в надземных голубых мирах...

Или, может, это вид массового социального гипноза? Вспомните, как на спортивных трибунах мы все – рабочие и колхозники – одинаково преображаемся! А на митинге? Но здесь особое чувство: не футбольный энтузиазм, не стадная истерия какая-нибудь, не то, что принято называть «эффект толпы», а что-то доселе психологам не известное – эпидемия поэтической мечтательности... Почему бы, в самом деле, не предположить?

Или так: человек приходит к забору с колючей проволокой, повинуюсь магнетизму пришельцев из космоса. Что вы смеётесь? Очень даже вероятно. У них здесь замаскированная база: посылают телепатические волны, люди приходят сюда и начинают грезить. А их в это время изучают в какой-нибудь стереоскоп. Может, вон из того кустарника.

Да что там! Эти вот люди – это на самом деле и есть пришельцы!! Марсиане!!! Только переодетые. Можно проверить – подойти и попросить закурить.

Марсианин наверняка смутится. Они ж там не курят. (Но всё-таки лучше не проверять: кто его знает, вдруг они тебя самого проверят?)

Так я парил в своих мечтах, день ото дня всё выше, всё дальше.

Теперь мне больше нравилось стоять у окна, чем рисовать графики крутого роста промышленной продукции. Удивительные, незнакомые прежде чувства распирала мою очарованную душу. Вы только подумайте – в городе вдруг появилось заговорённое место, где люди становятся поэтами! Я даже представил себе фантастическую повесть вот с таким началом: «На задворках городского клуба стали появляться задумчивые люди...» А? Неужели не интригует?

Мне бы помалкивать. Поберечь мечту. Мне бы не говорить никому о марсианах, о голубых мирах... Но я проболтался нашему художественному руководителю Валентине Саввишне Сидоровой.

Она спустилась ко мне в полуподвал, посмотрела в моё окно и так скучно, так пасмурно говорит:

– Вот сволочи. Опять.

– Что? Что опять?

– Воруют – «что»! Забор-то заводской – не видишь, что ли? Там, за кустами, в заборе дырка, её уже заделывали однажды. Сейчас, видать, снова пробрили. Надо охрану предупредить. Ишь, оглоеды... И ты хорош, про неземные миры толкуешь. Стоишь у окошка, ушами воздух вентилируешь. Лопух! Тут сразу сообщать надо.

– Так я ж не знал!

– Ну и дурак, что не знал.

Я отошёл от окна. Мне чуть не стало дурно. Действительно, какого рожна я сопли развесил? Столько графиков, столько полезных лозунгов мог бы за это время изготовить и получить по труду согласно сделанному объёму работ – всё-таки всем была бы польза...

И правда, дурак.

ВОРОБЕЙ

Водитель троллейбуса аккуратно объявлял все остановки. У нас в городе это бывает не так часто. Водители всё больше молчат или матерятся, если на подножке повиснет слишком много народу. Правда, ездит по сей день на шестом маршруте один златоуст, у него рот вообще не закрывается: то он пожелает счастливого пути, то поздравит с хорошим настроением, то остановку объявляет чуть не полминуты подряд, –

«Си-и-час, та-а-а-варищи, будет улица имени оды-ного из сы-лавных деятелей нашего с вами государства, ж-жи-лезного Феликса Дзержинского...» Ну, таких я тоже не люблю. Мешают думать. Думаю я больше в троллейбусе, потому что на моей работе этим заниматься, честно говоря, не хочется.

Итак, в троллейбусе водитель объявляет остановку. Это так приятно. Всё-таки иногда нужно делать приятное людям или нет? Им же, в конце концов, надо радоваться чему-нибудь! И вот, вместо того, чтобы радоваться, один старый валенок, похожий на бобра, – а стоит он впритык ко мне – принимается гундосить на весь салон. Его, видите ли, не устраивает, что из трёх дверей водитель открывает только две.

– Инженерное решение салона, – гудит он мне в ухо, – специально предусматривает возможность выхода пассажиров в переднюю дверь! А водитель её бережёт для самого себя. Разве это не самоуправство?

Я не отвечаю, молчу. Вообще, я пока ещё не очень-то могу понять писателя Экзюпери, который говорит, что, дескать, единственная в мире роскошь – роскошь человеческого общения. Этого бы романтика к нам на производственное совещание, сразу он понял бы, что к чему. Ну, ладно. Старик мне опять бубнит под ухо:

– Умные головы думают над тем, чтобы нам с вами было надёжно и удобно, а тут – нате... Зачем передняя дверь? Извините, это просто нонсенс.

«Пошёл ты... со своим нонсенсом», – думаю я абсолютно тихо. Поскольку, конечно, понимаю, что эта дверь на хрен ему не нужна. Встал не с той ноги, вот и мутит воду, комсомолец двадцатых годов. Лучше с ним не связываться. А какая-то старушенция возьми, да и брякни;

– Зачем вы нам-то это всё говорите? Вы скажите ему. Водителю.

Ух, как взвился Бобёр! Как сверкнули очки! Только этого и ждал.

– Как вы можете так говорить! Вы всё-таки советский человек! Неужели вам всё равно?

«Ну, – думаю, – понеслась...» Старый общественник теперь слюной захлёбывается, да и у двух-трёх пассажиров, гляжу, зенки блещут, как у волков в лесной чаще. Сейчас будет хай. На пять остановок – как минимум.

Но ничего не вышло на этот раз у наших пассажиров с роскошью человеческого общения... Потому что в самую

напряжённую минуту в салон залетел воробей.

Публика моментально отвлеклась, стала за ним следить. Воробей, вижу, молодой и глупый. Скорей всего, недавно научился летать. Мечется в панике, нигде угла укромного найти не может: всюду человеческие головы, человеческие руки, человеческие глаза. Я его прекрасно понимаю. На его месте я бы от ужаса упал замертво. К тому же люди – как они могут иначе? – стали махать руками, чтобы поймать его. Воробей хочет вернуться от них, бьётся, бьётся... Долго не выдержит. Грохнется обязательно на пол. Жаль дурня.

И вдруг прямо-таки чудо происходит: в то самое время, как он метнулся в головную часть салона, открылась передняя дверь. Никто не выходил через неё, никто не должен был заходить, это я хорошо видел. Дверь была открыта специально, чтоб выпустить воробья. Сорванец мгновенно сиганул туда, блеснул толстым пузом на утреннем солнышке, что-то восторженное вякнул и пропал.

В полной наступившей тишине кто-то задумчиво рёк:

– Вот для этого как раз и сделана передняя дверь.

Старый зануда пожал плечами и... промолчал. Вы понимаете? Промолчал! Вот что может сделать с человеком нечаянно сказанное волшебное слово.

То-то и оно. Я давно заметил, что в любом троллейбусе рано или поздно найдётся пассажир, который владеет истиной. Вы, конечно, редко его услышите, потому что он вообще-то не любит говорить. Это очень жаль. Ибо в конце концов оказывается, что вам негде узнать истину. Даже в троллейбусе.

ДИВЕРСИЯ

В Комитет государственной безопасности

/копия – министру культуры РСФСР/

Считаю долгом патриота и советского гражданина довести до вашего сведения о возмутительном факте, имевшем место в селе Новолушниково во время концерта пресловутого фольклорного ансамбля «Феникс» под руководством Г. Ф. Раскрываева.

По рекомендации областного Отдела культуры я был прикомандирован к указанному ансамблю для поездки с целью пропаганды среди тружеников села Передового Мирозозрения в плане чтения лекций. Когда мы ещё были в пути, я

обратил внимание на пение ансамблем песен религиозного содержания, о чём и сделал замечание Г. Ф. Раскрываеву в корректной форме. Он демагогически сказал, что это, мол, сокровище народного творчества, созданное ещё в те времена, когда не было в русских сёлах инструкторов райкома. На что я пока решил промолчать и смотреть, что будет дальше.

В местном колхозе мы должны были дать концерт на открытом полеваном стане. Со своим докладом я выступил первым, во время чего Г. Ф. Раскрываев и его люди демонстративно собирали ягоду рядом в роще. Потом, когда они сами начали выступать, народу собралось довольно много, и битых два часа аудитория слушала старорежимные фольклорные песнопения (типично кулацкое искусство), а также упомянутые выше религиозные псалмы и гимны.

Уже сам по себе этот факт я расцениваю как злостный подрыв атеистической пропаганды, являющейся, как известно, краеугольным камнем нашей социалистической культуры. Но это ещё не всё.

Г. Ф. Раскрываев самочинно взял на себя роль лектора и начал рассказывать о древних языческих обрядах, причём вместо того, чтоб обнажить их реакционную сущность, сделал упор на якобы магическую их силу. В своей речи он договорился до того, что древние жрецы с помощью своих песен могли умилостивить языческих богов, олицетворяющих силы природы. Например, остановить наводнение или, наоборот, вызвать дождь.

Тут из рядов публики встаёт председатель колхоза «Заветы маршала Жукова» тов. Скотников. В порядке шутки он говорит, что неплохо было бы исполнить заклинание дождя, потому как солнце, пропади оно совсем, уже два месяца шпарит, как из огнемёта, а сволочи-синоптики ни капли влаги нам, как назло, не обещают. (Речь председателя я излагаю не полностью, ибо выражения, которые он употребил по поводу погоды, дословно записать нельзя.) После выступления председателя Г. Ф. Раскрываев говорит: «Что ж вы, мужики, раньше нам ничего не сказали? Для нас же это сущий пустяк! Хорошо, мы сейчас организуем вам Всемирный Потоп прямо вот тут, не отходя от кассы». И вызывает на сцену солистку ансамбля, фамилию которой я забыл, но при необходимости уточню. Солистка начинает петь. Слова и мотив этой песни, в силу их монотонности и однообразия,

художественной ценности абсолютно не представляют. Таким образом, эстетической необходимости в исполнении так называемой «заклички дождя» заведомо не было. Зачем же, спрашивается, Г. Ф. Раскрываеву понадобилось возрождать в присутствии советских тружеников вздорный языческий обряд?

Надо сказать, что тут случилось досадное совпадение, сыгравшее на руку авантюризму Раскрываева и его единомышленников. Едва закончилась песня, на чистом небе быстро собрались тучи и хлынул ливень с грозой. Колхозники после этого начали бегать под дождём и хохотать как сумасшедшие, и с ними вместе члены ансамбля, причём некоторые в полуголом виде. Я вынужден был спрятаться от грома в стоге сена по причине, что со мной был портфель с материалами, которые я не имел права мочить. Здесь Г. Ф. Раскрываев, проходя мимо стога, стал надо мной открыто издеваться: «Ау, Афанасий Иванович! Что скажет по этому поводу прогрессивное научное мировоззрение?» Я промолчал, потому что вступать в полемику с людьми подобного сорта не считаю нужным. «Ага, мировоззрение безмолвствует! – торжествует Раскрываев. – Ну, теперь, по вашей логике, вы автоматически должны стать религиозным человеком». Естественно, я заинтересовался, с какой же это стати я должен им стать. «Вы сами только что говорили, – объяснил Раскрываев, – что люди поверили в бога из страха перед необъяснимыми стихиями природы. Здесь похожая картина: объяснить вы ничего не в состоянии, а страх у вас на физиономии написан. Теперь, боюсь, вы едва ли сможете зарабатывать свой хлеб прежним способом. Единственная надежда – податься вам на церковную паперть!»

Я, конечно, не считаю нужным концентрировать ваше внимание на оскорбительном тоне Г. Ф. Раскрываева, касающемся меня лично. Хотел бы только подчеркнуть, что его поведение, так же, как и репертуар его ансамбля, я считаю типичной идеологической диверсией, направленной на подрыв нравственных устоев нашего общества и льющей воду на мельницу западных спецслужб.

Считаю, что позиция Г. Ф. Раскрываева в корне противоречит его функции вузовского преподавателя, вследствие чего следует немедленно поставить вопрос о соответствии этого субъекта занимаемой должности, а дальнейшая работа фольклорного ансамбля очевидным образом

несовместима с поставленной съездом Партии великой и благородной целью культурного воспитания масс.

А. И. Валентинов, доктор философии,
зав. кафедрой научного коммунизма
***-кого университета.

Дата. Подпись.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Приехала как-то женщина Валя домой, она медсестрой работает у нас в поликлинике. Приехала раньше срока. Она в отпуск к свекрови ездила отдыхать, поругалась с ней, вроде даже они подрались, – и вернулась, не предупредив, к мужу.

Пари держу: вы, конечно, представили уж себе, в меру вашей испорченности, какую-нибудь непотребную сцену. Мол, открывает Валя дверь, а в это время муж...

Ну, и ничего подобного! Муж у Вали всю жизнь этой гадостью не занимается. Потому, что всё свободное время он изучает йогу. Валя и влюбилась-то в него на пляже, где он демонстрировал публике позвоночник через живот. А когда он – его звали Вова – взял её за руку, впал в транс и объявил всем, что в прошлом воплощении она была легконогой ланью, её уважение достигло той критической точки, за которой нормальной бабе хочется замуж. Йог Вова легко прочёл её мысли, вычислил по астрологическому календарю, что созвездие, под которым она родилась, ему подходит, и повёл её в ЗАГС.

Жили они до поры до времени ничего, нормально. Потому что, когда Валя пыталась затеять свару, Вова всегда говорил ей, что если она сейчас же не прекратит, то получит плохую карму. Плохой кармы Валя боялась больше всего на свете. Вова вообще был исключительно начитанным человеком. Прочёл всего Рамачараку, всего Вивекананду, всего поэта Сидорова и по ночам фотографировал «Тайную доктрину» Блаватской. Подругам Вали он мог рассказать по ощущениям своих рук весь список их болезней, вплоть до количества абортов за минувший год, и всегда говорил абсолютно точно, чем поддерживал среди них самый высокий моральный авторитет. Тем более что все Валины знакомые были врачи, ни разу в жизни не поставившие верного диагноза. А он работал ночным сторожем.

Так вот, приезжает Валя домой. Открывает дверь и видит, что Вова в одних плавочках (были у него любимые голубые плавки с золотой рыбкой) сидит в позе лотоса и смотрит на мир космическими глазами. В позе лотоса он при ней и раньше сидел. Но никогда раньше на его лице не было космических глаз.

Валя говорит робко:

– Здравствуй, Вовик. Вот, я приехала.

А Вовик ни мычит, ни телится.

Валя подошла, дотронулась и одёрнула руку: тело мужа было почти холодным. И глаза не моргают. Пригляделась: батюшки, он ведь не дышит, кажется! Послушала: сердце вроде шевелится. Но как-то совершенно тихо, медленно. Или вообще не шевелится?

Какой ужас! Она там ездит, а он в таком состоянии. Может, паралич? Столбняк? Или, может, уже летальный исход?

Валя бросилась сперва причитать. Потом спохватилась – вдруг ещё не поздно... Подняла на ноги скорую помощь. За те два-три часа, пока скорая с соседнего квартала ехала к умирающему, она успела перелистать всю медицинскую энциклопедию, особенно на букву «П» и на букву «С». Ничего такого не нашла.

Бригада приехала, Вову обстукали, обхлопали, повалили навзничь, – ноги у него так и остались калачом, – приподняли плавки с золотой рыбкой и вкатили полновесный шприц атропина с камфорой. Потом – на носилки, в машину, в больницу... Уже там Вова очнулся. Он не сразу понял, где он и что с ним. А когда понял, ужасно рассердился, хотел вскочить с койки, но не тут-то было: что-то там у него не включалось и не работало.

Жену Валю, свою спасительницу, он ругал последними словами. Говорил, что только законченная дура не в состоянии понять такую элементарную вещь, как САМАДХИ, что идиоты врачи его чуть не угробили, что его астральное тело не вовремя встретилось с эфирным, а эфирное не вовремя встретилось с физическим, и в результате он не сегодня-завтра отдаст концы.

Ну, что касаясь эфирного и астрального тел, как уж они там встретились, конечно, это вещь тёмная и никому не известная. Но что Валя с Вовой встретились не вовремя, сомнений не было уже никаких. Через месяц больной кое-как слез с кровати и вслед за этим они с Валей развелись, причём Вова решил не выбирать времени для развода по расположению планет. Он хотел сделать это, наоборот, как можно быстрее, и плевать

ему было на астрологию. В суде своё решение он объяснил тем, что его супруга в прошлом воплощении была шакалом, но скрыла от него этот факт, в результате чего он об этом долго не подозревал.

С тех пор Валя совершенно разочаровалась в восточных учениях. Теперь она выступает за чаем и на собраниях против йогов, теософов, буддистов, исихастов, суфиев, кришнаитов, даосов, рерихистов и, скажу вам, правильно выступает! Гнилому восточному мистицизму не должно быть места в нашем советском обществе.

ЛЕКЦИЯ О МУЗЫКАЛЬНОМ РОМАНТИЗМЕ

(внутренний монолог школьного педагога)

Сколько ещё осталось времени? Ого! До перерыва целых сорок минут! Романтикам лафа была, они могли убежать от действительности, а тут не убежишь. Хорошо Райке, спицы с собой взяла, сидит, стержоза, в самом заду и вяжет с умной мордой. Как будто слушает. А я даже «Работницу» не захватила. Думала, что-то путное будет. Язвы нашего директора, выдумал чё попало. Кому он нужен, такой «культурный обмен музыкальной и общеобразовательной школ»? Вагнера с Шубертом, видите ли, ему подавай! Ленку, пионервожатую, лучше бы поменьше тискал в гардеробе, глядишь, нашёл бы время для культуры. А то залетит девка в гинекологию, да узнает жена, никакой тебе Вагнер не поможет. Тут-то слушает, как порядочный. Кобель. И Ленка-дура, такая вся внимательная, рот шире жопы – лектор ей, что ли, понравился? Смотри, Сан Саныч, в оба за ней: романтизм, он до добра не доводит. А лектор, правда, ничего. Галстучек, очёчки, борода, как у Чехова. Руками жесты делает. Чистенький. Будешь чистенький, когда у тебя в музыкальном классе восемь — десять человек, от первого до последнего дети умных родителей, сидят и ноты дирижируют. А ты попробуй, если сорок — сорок пять, дебил на дебиле, и все как один на ушах! Что ты мне про «лирическую исповедь» всё поёшь, да про «экспрессивное чувство», я что, первый год на свете живу, ничего такого не нюхала? «Письмо Татьяны», вон, каждый год читаю своим уродам, они только ухмыляются. Они без письма всё обделают так, что родители пикнуть не успеют. Чеснокова в девятом «А» недавно родила, Сан Саныч

чуть инфаркт не схлопотал. Хотя пора бы привыкнуть. У нас ещё ничего, а в сто девятой шестиклассница, говорят, четверых заразила сифилисом. Вот ты приди к ним, чистенький! Расскажи про своего Брюкнера! А я на тебя посмотрю. С нас-то какой спрос? Мы люди послушные, подневольные. Скажут, слушай балет или даже симфонию – будем слушать. Хотя дома дел невпроворот. Благоверный – сегодня суббота – опять нажрался, как бобик, собутыльников приволок, детей не накормит. Он у меня тоже романтик. Как нагрузится, любит помечтать. Вот точно, чистенький, как ты сейчас поёшь: экзотические страны он любит. Даже просился туда по турпутёвке. Только его не пустили, потому что двоюродный брат у него работает на секретном заводе в столовой. Кстати, насчёт экзотики: говорят, в нашем универсаме сегодня выбросили настоящее крестьянское масло, а я опять не возьму – с этим вот «культурным обменом». И отдохнуть тут не отдохнёшь. Всё он компостирует мозги своим «пафосом приподнятости». Ну, погоди, я к тебе в ДМШ тоже приду, в порядке культурного обмена, и тогда заведу я тебе часика на полтора такую лапшу про лишнего человека Онегина – ты у меня в момент скинешь. Нет, правда, чем бы сейчас заняться? Райка, стерва, оба рукава уже связала, хоть какая-то польза есть, а я что? А попробуй не пойдёшь – баллы не наберёшь в соцсоревновании. Чего доброго, и переаттестацию не пройдёшь. Выгнать, конечно, не выгонят, педагогов всё равно мало. А хоть бы и выгнали – пропади она пропадом, эта работа. Литература в школе всё равно на фиг не нужна никому. Пойду и устройюсь поварихой на корабль, в заграничье. А что? Займусь бегством от действительности. Романтиком буду. Пошлю к едрене фене своего мужика, детей возьму с собой. Эх! Посмотрю экзотические страны. А вернусь с деньгами да с барахлом – кухню по боку, кушать буду в кафе. Брюкнера вечерами буду слушать...

Нет, в самом деле, как помотришь – в романтизме, пожалуй, что-то такое есть.

ОШИБКА

Я ждал женщину в заводском сквере. Ожидание приятное, но, сами понимаете, долгое. Делать было нечего и смотреть

не на что, если не считать огромного стенда заводской Доски почёта. Никому, конечно, не придёт в голову просто так, интереса ради, разглядывать стенд с передовиками производства. Но от долгого безделья можно, в конце концов, заняться и этим...

Глядя на фотографии, я обратил внимание на замечательный факт: у всех передовиков было одно и то же выражение лица. То есть – никакого. И глаза их выражали одно и то же. То есть – совершенно ничего.

Что за феномен? Или это особенное искусство фотографа?

Как будто шеренге конвейерных роботов ввернули давно прогоревшие, давно потухшие лампочки вместо глаз. Лица на сцене поистине обладали талантом невыразительности – в толпе, например, даже намётанный глаз сотрудника в штатском не мог бы никого выделить, или тем более в чём-нибудь заподозрить. Лица были одинаковы, как стройный ряд поднятых в голосовании рук.

Я, пожалуй, слишком увлёкся ассоциациями. Об этом стоило бы написать проще. Но как?

Смотрел я, смотрел – и странное вдруг родилось у меня впечатление при этом разглядывании! Пожалуй, я поспешил, назвав эти лица невыразительными. Нет. Чем пристальней я вглядывался, тем явственней, подобно тайнописи, стала проступать на них усталость, досада – что-то вроде маски горечи – а под усталостью и горечью ещё страшнее: отпечаток смерти. Нет, я не преувеличиваю. Точно так, как физическая смерть накладывает печать на внешность покойника, так смерть души накладывает особую печать на лицо живого человека.

А ведь когда-то в детстве всё это были симпатичные, лупогазенькие и очень живые девочки и мальчики. Дрались, хохотали, удивлялись, плакали. Любили и надеялись. Эх, ребята, ребята! Господи Боже ж ты мой, что случилось-то с вами, кто стёр ваши лица и погасил ваши глаза?

Молчат.

Добросовестные работники, передовики производства, члены профкомов, месткомов, ревизионных комиссий, участники слётов, конференций, пленумов, отцы и матери детей, делящих свой досуг между подворотней и комнатой милиции, клеймящие позором на митингах всех, кого надо, и одобряющие всё, что надо, сочиняющие доносы и страдающие от доносов, безропотно

стоящие на автобусных остановках и в очередях, галдящие на пяточках коммунальных кухонь, на досуге забивающие козла, пропивающие зарплату, читающие Кочетова, Бондарева, Пикуля, – молчат.

Хоть криком кричи, не докричишься.

И вдруг в этой кладбищенской тишине, посреди грозного этого покоя мне послышался чей-то живой голос. Или нет: голосом назвать это нельзя. Скорее – знак. Сквознячок чувства и мысли. На меня из левого нижнего ряда глянули ЖИВЫЕ ГЛАЗА.

Сначала я не поверил: мало ли что с тоски померещится. Но глаза – вот они – смотрели светло, проникновенно и так одухотворённо, что у меня закружилась голова. Пожалуй, женщина, которую я ждал, даже в самые наши счастливые минуты не могла так смотреть: обычной

земной любви недостаточно для такого взгляда. Что ж это за персонаж-то такой, кто этот очарованный чудака, погребённый в общей никелированной могиле?

Только я хотел шагнуть поближе и прочесть фамилию, как откуда ни возмись возле стенда возник человек в чёрной спецовке, подошёл к этому самому фотопортрету и стал, действуя отвёрткой, лихо откручивать его и отди- рать вместе с железной рамкой.

– Зачем вы это делаете? – спросил я за его спиной.

– Завком отдал распоряжение, – отозвался человек в спецовке. – Обманул нас всех, понимаешь... Ему то и сё: хороший семьянин, лучший производственник, премии дают, на собраниях хвалят... А он, сучара, оказался баптист! Ну вот, приходится исправлять ошибку.

